

ДЕЛО КОРОЛЕВСКОГО ПИРАТА КИДДА (Из истории борьбы армянского купечества против пиратства)

Доктор юридических наук Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

История захвата армянского торгового судна «Кедахский купец» капитаном Киддом и последующий драматический исход этого пиратского акта составляют интереснейшие страницы всемирной истории борьбы против пиратства, за свободу торгового судоходства. Случай этот является ярким примером вырождения каперства в обычное пиратство и использования этой организованной формы морского разбоя английским государством и английскими колониальными властями против морской торговли армян. Он представляет немалый интерес и для раскрытия средств неравной борьбы, применявшихся армянским купечеством для защиты своих прав, а тем самым и прав всех других купцов и судовладельцев. Исход этой эпопеи, завершившейся тем, что английский король и его правительство не смогли спасти своего компаньона от смертной казни через повешение, говорит сам за себя.

Капитан Кидд—одна из центральных фигур всемирной истории морского разбоя. О нем складывались песни и баллады, его «подвиги» описывались и все еще описываются на страницах всех книг о пиратстве. Ему уделяют специальные статьи в Британской и Американской энциклопедиях. Большие статьи посвящены ему в английском и американском биографических словарях¹. По определению последнего Кидд—«самый известный пират в английской литературе». Из одной книги в другую кочуют два разных образа. Один—образ удачливого архипирата, за упрятыми сокровищами которого до сих пор идет охота. Этот образ явно импонировал тем, кто назвал его именем военный корабль ВМС Соединенных Штатов, занимающийся политическим пиратством в Восточном Средиземноморье. Другой—печальный образ полукапера-полу-пирата, который ничего или почти ничего не сумел награть, но стал жертвой высокой политики и межпартийных интриг и в результате угодил на виселицу. «Каким бы ни были преступления Кидда, ясно, что суд над ним не был справедливым и он был признан виновным на основании недостаточных улик»—утверждает английский биографический словарь².

Этот образ Кидда-неудачника первоначально был создан, как увидим, его высокопоставленными сообщниками и защитниками с целью оправдать не столько самого капитана, сколько тех, кто стоял за его спиной. Затем он был подхвачен апологетами морской истории Великобритании, пытавшимися задним числом обелить ее пиратскую сущность, мало того—представить эту страну чуть ли не борцом против пиратства. В подтверждение сошлемся на книгу английского историка Дж. Биддалфа³, а в качестве свежего примера некритического заимствования такого рода версии можно указать на книгу советского автора И. В. Можейко⁴.

На самом же деле Кидд был настоящий пират, обычный английский пират того времени, не единственный, конечно, и даже не самый худший из этой разновидности

¹ The Dictionary of National Biography. Vol. XI, p. 93—95; Dictionary of American Biography. Vol. X, p. 367—369.

² The Dictionary of National Biography. Vol. XI, p. 93—95.

³ John Biddulph. The pirates of Malabar and an Englishwoman in India two hundred years ago. London, 1907.

⁴ И. В. Можейко. В Индийском океане: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV—XX века). Изд. 2-е, М., 1980.

морских разбойников. Английское пиратство процветало до него и после него. Оно пользовалось поддержкой государства и Ост-Индской компании, оно служило как для обогащения, так и для расправы с конкурентами по морской торговле. Тогда почему же Кидда в конце концов казнили? Действительно ли он стал жертвой интриг и межпартийной борьбы в Англии? Или, быть может, там изменили отношение к пиратству и история с Киддом подтверждает версию апологетов английской морской истории?

Внимательное изучение событий в связи с общей ситуацией в Индии того времени показывает, что Англия не изменила отношения к пиратству, а для осуждения Кидда были более веские причины, чем интриги и межпартийная борьба. Последние создали лишь благоприятные условия для разоблачения и осуждения Кидда, но главное было в том решительном сопротивлении, которое оказали сперва пострадавшие армянские купцы, а потом Великий могол Аурангзеб, не без оснований связывавшие разбойные действия Кидда с поддержкой пиратства официальной Англией и Ост-Индской компанией.

Кидд стал символом и воплощением английского пиратства. Об этом скажет представитель обвинения на судебном процессе д-р Ньютон: «Эти преступные предприятия и действия сделали его имя (к бесчестию и в ущерб английской нации) слишком хорошо известным и заслуженно ненавистным в этих отдаленных частях мира, и на него смотрели как на архипирата и общего врага человечества»⁵. Среди самых разных типов пиратства, с которыми армянские купцы и мореходы сталкивались в морях и океанах, эпизод с капитаном Киддом занимает особое место, но отнюдь не потому, что он «архипират», а потому, что дело это содержит ценную информацию: в силу особых обстоятельств события приняли неожиданный оборот, вышли из-под контроля властей и потому стало известно, кто стоял за спиной английских пиратов, более того—кто подлинные организаторы пиратского промысла.

История эта началась в 1695 г., когда английский король Уильям III поручил лорду Белламонту, с которым поддерживал дружеские отношения и которого назначил губернатором Нью-Йорка, Массачусетса и Нью-Гемпшира, принять меры против вышедших из подчинения пиратов Новой Англии. Имея королевское поручение, губернатор вместе с другими видными представителями виггов решили снарядить частный военный корабль (приватир)—официально для борьбы против французов и даже для пресечения пиратства, а на самом деле с целью обогащения за счет морского разбоя.

Поскольку правительство не финансировало экспедицию, все расходы, связанные с приобретением корабля, его снаряжением, содержанием экипажа взяла на себя созданная губернатором Нью-Йорка частная акционерная компания, члены которой, естественно, рассчитывали на дивиденды. Держателями акций были сам лорд Белламонт и другие знатные и высокопоставленные лица: первый лорд Адмиралтейства Орфорд, лорд-канцлер Сомерс, государственный секретарь лорд Ромни, член Верховного суда герцог Шрусбери и др. Организация предприятия лежала на губернаторе Нью-Йорка лорде Белламонте. По вполне понятным причинам они предпочитали скрывать свои имена и действовали под вымышленными именами как Эдмонд Харрисон, Уильям Роули, Джордж Уотсон, Томас Рейнольдс и Сэмюел Ньютон. Члены этого синдиката глотали в дело 6 тыс. фунтов стерлингов, которые предназначались на покрытие первоначальных расходов—снаряжения судна и найма команды. Пятую часть расходов взяли на себя Роберт Левингстон и капитан Кидд—основной исполнитель задуманного предприятия.

Кандидатуру Кидда предложил сам губернатор. Выбор этот был не случайным. Сын кальвинистского священника Кидд жил в Нью-Йорке—одном из тогдашних центров пиратства. Здесь составлялись пиратские команды, здесь «реализовали» свою добычу

⁵ The Arraignment, Tryal and Condemnation of Captain William Kidd for murder and piracy, upon six several indictments, at the Admiralty-Sessions, held by His Majesty's Commission at the Old-Bally, on Thursday the 8th and Friday the 9th of May, 1701. London, 1701, p. 17.

пираты Новой Англии, Вест-Индии, а позднее и пираты из Индийского океана. Кидд поддерживал с ними деловые отношения и сам на своем небольшом корабле орудовал в качестве «приватера» в американских водах. Кидда можно было представить как опытного моряка, хорошо знавшего места пиратских операций и другие тонкости этого ремесла. По словам современника—Томаса Хевитсона, Кидд был «сильной личностью» в Вест-Индии.

Нанимая капитана, синдикат, выступавший в роли судовладельца, должен был договориться с ним об условиях вознаграждения. Поскольку пиратское предприятие основывалось на «самоокупаемости», это, естественно, выливалось в соглашение о разделе будущей добычи. Такое соглашение, предусматривавшее порядок раздела захваченной добычи между капитаном и его командой, с одной стороны, и членами товарищества, участвовавшими в снаряжении каперского корабля, с другой, было заключено между Киддом и губернатором Белламонтом, который действовал от имени своих друзей. По этому соглашению на долю Кидда и рекомендовавшего его Белламонту Р. Левингстона выделялась 1/5 расходов по снаряжению судна и соответственно одна пятая часть доходов судовладельцев. Остальные 4/5 расходов брали на себя Белламонт вместе с представляемыми им членами синдиката. Соответственно им было положено 4/5 чистого дохода, а в случае отсутствия такового Кидд обещал возратить вложенную ими сумму. Белламонт брал на себя также получение соглашения короля.

На вложенные средства к концу августа 1695 г. был снаряжен фрегат водоизмещением в 287 тонн с тридцатью парами весел, вооруженный 36 пушками. По предложению Кидда и Левингстона кораблю дали выразительное название—«Корабль приключений» (Adventure Galley). Теперь нужно было получить каперский патент от короля и решить некоторые другие вопросы. С этой целью Кидд направился в Лондон. Пробыв здесь до февраля 1696 г., «Корабль приключений» ушел в Плимут, где оставался до конца апреля. Задержка имела свои причины: решались важные для предприятия вопросы. Белламонт представил Кидда первому лорду Адмиралтейства Орфорду, а полковник Хевитсон взял его к государственному секретарю лорду Ромни. В декабре 1695 г. капитану Кидду был выдан патент за печатью Адмиралтейства, уполномочивавший его осуществлять репрессалии против французов. Ему предписывалось отправиться на этом корабле «в военную экспедицию под его личным командованием и силой оружия арестовывать, захватывать и брать в приз корабли, суда и груз, принадлежащие французскому королю и его подданным или жителям владений упомянутого французского короля»⁶. Взятые призы должны были доставляться в ближайший порт для присуждения на основе международного права судами Адмиралтейства. Согласно обычаям, только после присуждения капер мог распоряжаться захваченным имуществом как собственностью врага.

Через шесть недель, 26 января 1696 г., Кидд получил второй каперский патент. Король Уильям III, «посоветовавшись» с Адмиралтейством, выдал ему каперский патент под Большой печатью, уполномочивавший «возлюбленного друга Уильяма Кидда, действуя в качестве приватера (private man of war), задержать некоторых конкретно поименованных пиратов из Род-Айленда и Нью-Йорка—Томаса Тью, Томаса Вейка, Уильяма Маса, Джона Айрленда и «всех пиратов, флибустьеров и морских разбойников любого рода», занимающихся разбоем в ущерб торговле и в нарушение международного права. В соответствии с полученными полномочиями Кидд должен был пресекать отплытие пиратов из Америки в Индийский океан, но он мог также преследовать их в Индийском океане. За каждого захваченного пирата Кидд должен был получать по 50 фунтов стерлингов вознаграждения. За Эйверн была назначена сумма в 100 фунтов, которую затем подняли до 500 фунтов. Что же каса-

⁶ A full account of the actions of the late Famous pyrate Capt. Kidd. With the Proceedings against Him, and a Vindication of the Right Honourable Richard Earl of Bellamont, Lord Coloony, Late governor of New England, and other Honourable Persons, from the Unjust Reflections cast upon them. By a Person of Quality [a. l., s. a.], p. 26.

ется вознаграждения членов синдиката и самого короля, то вопрос этот регулировался специальным документом—королевским пожалованием для судовладельцев. За вычетом доли самого короля (ему резервировалась «свободная от всех расходов полная десятая доля того, что будет взято») все имущество, захваченное у пиратов, предназначалось членам синдиката в качестве компенсации их расходов⁷.

В соответствии с документами, составленными в казначействе, члены синдиката, получившие королевское пожалование, гарантируя королю полную выплату его части приза, были обязаны дать полный отчет под присягой о всем имуществе и ценностях, захваченных у пиратов. От самого же Кидда в связи с этим требовалось лишь вести точную регистрацию того, что захвачено. Согласно полученному патенту он должен был вести подробные и точные записи о всех своих действиях в судовом журнале. Ему конкретно вменялось вести подробную опись всех судов, их вооружения, снаряжения и груза, захваченных на основании полученных полномочий⁸.

Вместе с тем очевидно, что ведение такого учета предусматривалось не с целью возвращения имущества законным собственникам, для которых такая возможность не предусматривалась, а только для определения «законной» доли короля, для дележа награбленного по старшинству. Таким образом игнорировалось фундаментальное правило, основанное на признании незаконности пиратства. Поскольку пиратские действия не могли вести к потере прав собственности жертв морского разбоя, то и захваченное у пиратов имущество надлежало бы возвратить их законным владельцам. Вместо этого по сговору короля и членов созданного синдиката захваченное Киддом имущество могло присваиваться ими без всякого судебного присуждения. Именно они должны были воспользоваться плодами задуманного предприятия. Официальная миссия капитана Кидда состояла лишь в том, чтобы реквизировать в пользу казны и синдиката награбленные сокровища независимых пиратов, т. е. тех пиратов, которые занимались морским разбоем в собственных интересах⁹ и косвенно наносили ущерб колониальным интересам Англии, вызывая репрессалии Великих моголов и других восточных правителей.

Более того, текст выданных каперских патентов не раскрывает в полной мере содержания предстоявшей деятельности Кидда. Поручение брать в качестве законного приза корабли и суда противника, а также захватывать независимых пиратов и их имущество—это лишь официальная сторона миссии капитана Кидда. Очевидно, эти двусмысленные и неопределенные поручения короля дополнялись тайными, но вполне определенными указаниями могущественного синдиката, которые не только разрешали, но и прямо предписывали заниматься пиратством в пользу казны и синдиката—с единственным ограничением, что он не должен нападать на английские суда. Об этом свидетельствуют как обстоятельства снаряжения экспедиции, так и поведение Кидда. Очевидно, такое поведение предписывалось и «инструкциями капитану», которые Кидд получил от Белламонты.

В последние дни апреля 1696 г. Кидд вышел из Плимута и взял курс на Нью-Йорк, однако в пути встретил небольшой французский корабль. Захватив его, Кидд вернулся обратно, чтобы в соответствии с условиями каперского патента и по всем правилам взятия призов реализовать свой трофей. Полученные деньги Кидд мог использовать для завершения снаряжения своего корабля и доукомплектования команды, которая насчитывала тогда восемьдесят человек. Во всяком случае, прибыв в Нью-Йорк в июле 1696 г., Кидд под предлогом того, что направляется на Мадагаскар для борьбы с пиратами, довел численность команды до 155 человек. Новых матросов

⁷ J. Biddulph. Op. cit., p. 39—41.

⁸ A full account..., p. 28.

⁹ К этой категории относилась, в частности, созданная на Мадагаскаре пиратская республика «Либерталия». Основатели этого пиратского братства Караччолн и Миссон мечтали о спасении мира и рае на земле. Главнокомандующим флотом пиратской республики был известный английский пират капитан Томас Тью, упомянутый в королевском патенте Кидда среди пиратов, подлежащих задержанию.

Кидд набирал из числа хорошо известного ему круга людей сомнительной репутации. Сам характер подбора не оставлял у современников никаких сомнений относительно подлинных целей готовившейся экспедиции. Не скрывал их и сам Кидд, который обещал своим людям, что «вместо балласта заполнит трюмы корабля золотом и серебром»¹⁰. Привлекая их перспективой богатой добычи, Кидд обещал членам своей команды по одной доле добычи для опытных моряков и половину доли для прислуги и другого вспомогательного персонала. Из общего количества 160 долей капитану выделялись сорок.

«Корабль приключений» покинул Нью-Йорк 6 сентября 1696 г. и хотя четверо из конкретно поименованных в королевском патенте пиратов находились в то время у американского побережья, Кидд поспешил в Индийский океан. По пути он зашел за вином и фруктами на Мадейру, запасася водой на Кейп-Верде. Западнее Африки он встретился с английской королевской эскадрой в составе кораблей «Виндзор», «Тигр», «Совет» и «Стервятник» под командованием Уоррена. Кидд попытался избежать встречи, но его нагнали. Тогда он показал королевский патент и ему предложили для большей безопасности продолжить путь вместе, хотя бы до мыса Доброй Надежды. Это не входило в расчеты Кидда и через шесть дней, воспользовавшись штилем, парализовавшим парусники, «Корабль приключений» на своих 30 парях весел ушел ночью от военной эскадры.

Кидд не собирался, конечно, ни воевать с французами, ни бороться с пиратами, тем более что его фрегат не был приспособлен для этого. Кидд имел на борту 36 пушек, тогда как на борту пиратского судна Эйвери, к примеру, было 50 пушек. Зато тридцати пушек и ста пятидесяти членов команды, испытанных в пиратских нападениях, было достаточно для нападения на местные торговые суда. Небольшой французский корабль, неожиданно попавшийся ему на пути еще до начала экспедиции, был не только первым, но и последним призом, соответствовавшим общим представлениям того времени о каперстве. И хотя сейчас Кидд направился прямо на Мадагаскар—к пристанищу пиратов Индийского океана, цель его состояла отнюдь не в том, чтобы вступить с ними в бой, а в том, чтобы присоединиться к ним, заручиться их поддержкой. Но Кидду не повезло. Встретиться с пиратами ему не удалось: все были в деле.

Запасшись на пиратской базе провизией, Кидд тоже вышел в море, взяв курс на Мозамбикский пролив. Потом пошел к северу и занял позицию у входа в Красное море, откуда мог наблюдать за судами, идущими из Красного моря в Индию. Кидд начал охоту за караванами, направлявшимися в арабский порт Мокка. Сюда приходили торговые суда арабов, индусов и армян с восточными товарами, отсюда вывозили западные товары, доставлявшиеся из Средиземноморья. Кидд посылал туда людей на разведку, требовал захватить «языка» или разузнать, какие там находятся суда. Когда он узнал о предстоявшем прохождении каравана («Мосса fleet»), то принял меры, чтобы не упустить их ночью. Было установлено дежурство. «Давайте, ребята! Я сделаю из этого каравана много денег!»—воодушевлял Кидд свою команду¹¹. Встретив 14 августа 1697 г. долгожданный караван, Кидд выбрал одно из больших судов и, бросившись в погоню, открыл по нему огонь, но тут обнаружил, что караван конвоируют английский корабль «Скипетр» и датский военный корабль, которые открыли ответный огонь. Пришлось на время отложить замысел и изменить район пиратского промысла.

Теперь Кидд направил свой корабль к Малабарскому побережью Индии, зная, что это район оживленного торгового судоходства. Он не прогадал. Здесь Кидд совершил много крупных пиратских операций и грабежей, захватывая суда и грузы индийцев и других, мусульман и христиан¹². Неподалеку от берега севернее Бомбея 29 августа Кидд захватил местную бригантину из Сурата «Мери». Капитана захваченного судна Томаса Паркера взяли на «Корабль приключений» штурманом, а находив-

¹⁰ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 16, 22.

¹¹ Ibid., p. 23.

¹² Ibid., p. 16—17.

шегося на борту португальца—переводчиком. Но некоторым членам экипажа индийского судна удалось бежать и известие об этом пиратском акте распространилось по всему Малабарскому побережью. Затем последовали другие удачи: 20 сентября он ограбил «мусульманское судно» с грузом перца, кофе и мирры, 27 ноября захватил и ограбил «Девуцу», ряд других мелких судов¹³.

О пиратской деятельности капитана Кидда английская песня говорила следующими словами:

Вел я судно от пролива к проливу
и много кораблей я встретил на пути.
И все их я сжег, когда был я в плавании,
когда был я в плавании¹⁴.

Так вместо того, чтобы бороться с пиратством, Кидд, как выразится потом обвинитель на суде в Оулд-Бейли, «сам стал пиратом, причем величайшим и худшим из всех»¹⁵. Этим, однако сказано не все, ибо Кидд был не просто пират. Он был пират на службе английского государства. Он действовал, имея на руках каперские патенты английского короля, уполномочивавшие его на захват кораблей враждебных наций и пиратов, вышедших из-под или не находившихся под английским контролем. Поэтому, занимаясь пиратством, он не подымал пиратского флага¹⁶, а крейсировал под английским флагом. «Ограничиваясь» захватом туземных кораблей, он не нападал на английские суда. Кидд настойчиво стремился договориться со своими соотечественниками из Ост-Индской компании. 4 октября 1697 г. он посылает английскому фактору в Каликуте письмо, очень напоминающее письмо Эйвери. Сохранился текст этого послания: «Сэр! Я удивляюсь, почему Ваши люди боятся приближаться к нам, несмотря на то, что я принял все возможные меры, чтобы дать им понять, что я англичанин и не намерен нападать на английские суда. Поэтому я взял на себя смелость написать это письмо, рассеять все подозрения. Я приплыл из Англии 15 месяцев назад с поручением короля известить пиратство в этих водах, а из Карвара я вышел месяц назад, так что, я полагаю, Вам уже известно, кто я такой. Мне ничего не надо, кроме дров и воды, и если Вы прикажете мне их доставить, мы честно расплатимся с Вами за это, и я, со своей стороны, всегда рад оделать для вас все, что в моих силах. Уильям Кидд»¹⁷.

Не портил Кидд отношений и с пиратами, которых должен был задерживать. Он не напал ни на одного, хотя океан кишел ими. Шел второй год плавания Кидда в Индийском океане. За это время у него было уже немало счастливых встреч, но «самый лучший», «самый большой приз» был связан с захватом 30 января 1698 г. армянского торгового корабля «Кедахский купец». Встретился он с ним у Малабарского побережья, где «крейсировал», поджидая добычу¹⁸.

¹³ Philip Gosse. The History of piracy. London—New York—Toronto, 1932, p. 182.

¹⁴ Ives Burl. Sea songs of sailing, whaling and fishing. New York, 1956, pp. 36—37.

¹⁵ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 16.

¹⁶ Можно было бы согласиться со словами Дж. Биддалфа «Кидд руководствовался идеей, что, прикрываясь полученными правомочиями, может провести весь мир», если бы автор не пытался создать впечатление, будто жертвой его обмана стала и правившая «элита» Англии (J. Biddulph. Op. cit., p. 64).

¹⁷ И. В. Можейко. Указ. соч., с. 149; J. Biddulph. Op. cit., p. 47.

¹⁸ Этот случай описывается практически во всех книгах о пиратстве, начиная с изданной в Лондоне в 20-х годах XVIII в. книги капитана Чарлза Джонсона «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами, а также их нравы, их порядки, их вожжаки с самого начала пиратства и их появления на острове Провидения до сих времен» (см. Captain Charles Johnson. Lives of the most notorious pirates. Edited with an Introduction by Christopher Lloyd from the text of Arthur L. Hayward. London, 1962, p. 168—169), действительным автором

Это был парусник водоизмещением в 400, а по другим данным—500 тонн, вооруженный десятью пушками для самообороны. Стоимость его с оснасткой оценивалась в 400 фунтов¹⁹. Команда состояла из 90 человек. Корабль был зафрахтован «тремя или четырьмя армянскими купцами» и одним мусульманским купцом («мавром»), которые перевозили свой груз из Бенгалии в Сурат и сами были на его борту. В материалах судебного разбирательства эти «армяне», «армянские купцы» фигурируют как владельцы груза и самого корабля, а их имена не указываются. Нам удалось лишь установить, что судовладельцем был «сын каландара», т. е. старосты армян, и что имя одного из фрахтователей—ходжа Ованнес (Cojee Abaput). Эти данные сохранились в сделанном по распоряжению английского наместника переводе письма «Павла армянина» (Paulo Armenian), написанного на армянском языке 27 апреля 1698 г. в ставке Великого могола²⁰.

В этом рейсе «Кедахский купец» имел на борту «ценный груз»: 200 тюков муслина стоимостью в 1 000 английских фунтов, 70 ящиков опиума стоимостью в 1 400 фунтов, 250 мешков сахара в 100 фунтов, 20 тюков шелка-сырца в 400 фунтов, 100 тюков миткаля в 200 фунтов и другой груз на общую стоимость 4 500 фунтов²¹. Эти данные содержатся в обвинительном акте по делу о захвате этого судна Киддом, т. е. в источнике, как увидим далее, явно заинтересованном в снижении стоимости, подлежавшей выплате грузовладельцам. Другие источники говорят о наличии на судне также железа, селитры и слитков золота общей стоимостью груза в 200 000 рупий²² и даже в 400 000, или 4 лакха рупий²³.

В момент захвата корабля его капитаном был англичанин Райт²⁴, два его помощника были голландцы, а канониром—пожилой француз. Такой пестрый состав команды был обычным явлением того времени и для судов других национальностей—английских, голландских и т. п. Особо следовало бы обратить внимание на одно немало-важное обстоятельство, которое побуждало армян к такому «многонациональному» подбору команды. Дело в том, что европейские колониальные державы постоянно враждовали друг с другом, их военные корабли и каперы, не признавая нейтральности судов и грузов других наций, захватывали их под предлогом «связи» с противником. Поэтому армянские судовладельцы, как и другие, вынуждены были закупать для своих торговых судов пропуск и лицензии на право ходить под флагами каждого из враждовавших государств²⁵. Это, если угодно, было формой утверждения своего

которой предположительно является Д. Дефо. См. также: Ph. Gosse. Op. cit., p. 182; Я. Маховский. История морского пиратства. М., 1972, с. 127—129; Хайнц Нойкпрхен. Пираты. М., 1980, с. 198—201.

¹⁹ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 14.

²⁰ Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1698 (Vol. 27). Madras, 1921, p. 57.

²¹ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 14.

²² См. выдержку из письма Совета в Бомбее Совету в Сурате от 14 апреля 1698 г.: India Office Records. Factory Records.—In: Surat. Vol. 13. См. также: Charles S. Hill. Episodes of piracy in the Eastern Seas, 1519 to 1851.—Indian Antiquary. A Journal of Oriental Research. Vol. XLIX (1920), p. 10. О составе груза сведения имеются в кн.: Ph. Gosse. Op. cit., p. 182.

²³ John Bruce. Annals of the Honourable East-India Company, from their establishment by Charter of Queen Elisabeth, 1600, to the Union of the London and English East-India Companies, 1707—8. Vol. III. London, 1810, p. 271—272. Дж. Биддлф оценивает стоимость армянского корабля в 10 или 12 тыс. фунтов (J. Biddulph. Op. cit., p. 50).

²⁴ Возможно это был тот самый Райт, который в качестве капитана корабля «Цезарь», принадлежавшего английской компании, совершил в 1683 г. плавание из Англии в Бомбей.

²⁵ Обычай иметь несколько флагов сохранялся на протяжении веков. Только принятая в 1982 г. и не вступившая еще в силу Конвенция ООН по морскому праву уста-

нейтралитета, нежелания армянских и других «местных» купцов быть втянутыми помимо своей воли и вопреки своим интересам в конфликты европейских колониальных держав. По этой же причине армянские судовладельцы старались иметь в составе своих экипажей представителей различных европейских наций, чтобы в случае необходимости иметь возможность как-то оградить себя от нападений их военных кораблей или каперов.

Кидд, конечно, знал об этом и потому сознательно преследовал армянское купеческое судно не под английским, а под французским флагом. Он явно рассчитывал на то, что на армянском судне помимо английской лицензии будет и перестраховочная французская, а судовладельцам ничего другого не останется, как поднять французский флаг. Тогда судно можно было бы представить как «собственность врага» и приз считался бы законным.

Подойдя к «Кедахскому купцу», Кидд приказал капитану спустить шлюпку и явиться к нему. Армянские судовладельцы, скорее всего сознательно, по разработанному уже сценарию, послали на борт французского, как они должны были думать, корабля своего канонира-француза. Поднявшись на борт «Корабля приключений» и убедившись в обмане, француз тут же заявил, что он не капитан, а всего лишь артиллерист-пушкарь²⁶. Когда же перед Киддом предстал его соотечественник капитан Райт, пират арестовал его и потребовал информации о корабле, его грузе и судовладельцах.

Как вел себя капитан Райт? Обычно европейские и особенно английские капитаны сотрудничали с пиратами и каперами своей национальности. Такой вариант поведения английского капитана армянского судна отнюдь не исключен. Войдя в сговор с Киддом еще до пиратского нападения, Райт мог сознательно послать на борт пиратского корабля канонира-француза. Расчет тогда состоял бы в том, что француз, представив себя капитаном судна, тем самым дал бы возможность оправдать захват армянского судна и его груза на основании английского королевского патента в качестве «французского» судна. Если это так, то, конечно, армянских судовладельцев побуждали представить французский «пропуск». Достоверно известно, что они этого не сделали—то ли потому, что у них не было перестраховочной французской лицензии, то ли потому, что армянские судовладельцы разгадали маневр Кидда и предусмотрительно послали канонира-француза без французского пропуска.

Забегая вперед, отметим в связи с вопросом о возможности сотрудничества капитана Райта с Киддом, что всех четырех европейцев с армянского судна пират взял в свою шайку, а на суде Кидд хотя и продолжал настаивать, что капитаном «Кедахского купца» был француз, а Райт якобы был всего лишь «содержателем таверны из Сурата»²⁷, в свидетели он их не призвал и ничего не предпринял, чтобы обеспечить их столь нужные показания. Скорее всего он оставил их на Мадагаскаре с той частью своей пиратской шайки, которая пожелала продолжать там занятие морским разбоем.

Для определения действий Кидда как пиратских еще более важно то обстоятельство, что он, даже если не знал этого до нападения, теперь был официально уведомлен, что судовладельцами и собственниками большей части перевозимого груза являются армяне. Согласно показаниям, которые были даны позднее на судебном процессе, «капитан корабля заявил, что корабль и его груз были дружеские, а не вражеские». Какие следовали из этого правовые последствия, если бы Кидд исходил из официальных условий каперского патента?

новила в ст. 92, что «судно должно плавать под флагом только одного государства», что оно «не может переменить флаг во время плавания..., кроме случаев действительного перехода права собственности или изменения регистрации». Согласно этой Конвенции «судно, плавающее под флагами двух или более государств, пользуясь ими по удобству, не может требовать признания ни одной из соответствующих национальностей другими государствами и может быть приравнено к судам, не имеющим национальности».

²⁶ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 20.

²⁷ Ibid., p. 28.

За десять лет до рассматриваемых событий, 22 июня 1688 г. английский губернатор и «Компания лондонских купцов, торгующих в Ост-Индии»²⁸ после «продолжительных переговоров» в Лондоне с представителями армянских купцов, торговавших в Индии,—ходжой Фанос Калантаром и Джоном Шарденом, заключили договор, которым «отныне и навсегда» за «армянской нацией» признавалось «равное право на пользование или извлечение выгод из всех привилегий, которые Компания предоставила или когда-либо отныне предоставит любому из своих предпринимателей или любым другим английским купцам». Договором признавалось, в частности, право армян осуществлять морские перевозки своих грузов из любых портов в пределах действия устава Компании «в любые порты или места в Индии, Южных морях, Китае или Манильских островах» на любых судах Компании или любых других допускаемых Компанией нелегализуемых судах на тех же условиях, которыми мог пользоваться «любой свободный англичанин».

Признание формального равноправия армянских купцов с английскими купцами было, конечно, вынужденным. Английская компания еще должна была считаться с армянскими купцами ввиду их положения в Индии и других странах Востока—их финансового могущества, их тесных связей с правителями Востока, их знания торговой конъюнктуры, наличия у них отлаженной веками, четко действовавшей торговой сети, охватывавшей не только европейские страны, но и все страны Востока от Турции, Персии и Эфиопии до Китая и Филиппин. Наконец, как это видно из текста самого договора, одна из целей предоставления армянам всех привилегий и преимуществ, которыми пользовались англичане при морских перевозках, заключалась в стремлении привлечь огромные поступления за морскую перевозку восточных грузов армянских купцов, свернув их поток с традиционных путей через Персидский залив, а также через Аравийское и Красное моря к портам Восточного Средиземноморья и далее в Европу на новый, «английский путь»—вокруг Африки в Европу. При этом англичане явно рассчитывали на то, что соображения безопасности, желание избавиться от нападений пиратов будут играть не последнюю роль в определении отношения армянских купцов к этой альтернативе. Это отнюдь не означало, что английская Ост-Индская компания в действительности отказалась от неэкономического воздействия на армян с помощью пиратства. Факты говорят об обратном. Это означало лишь, что по замыслу англичан пиратство должно было использоваться целенаправленно—не во вред Компании, не для того, чтобы отталкивать армян от сотрудничества с английской компанией, а напротив, для того, чтобы принудить их к такому сотрудничеству, чтобы принудить армян отказаться от пользования своими торговыми судами и поощрять использование ими английских судов для перевозки своих грузов.

В этих условиях Компания действовала в «чисто английском» духе. Чиня всяческие препятствия развитию армянского купеческого флота, тайно поощряя пиратство против армянских и других «местных» купеческих судов, английская Ост-Индская компания внешне выступала в роли чуть ли не защитника армянских интересов²⁹. Поэтому открытый пиратский акт против армянского торгового судна, совершенный английским капитаном на английском каперском корабле и на основании каперского патента английского короля, не только открыто нарушал условия договора Компанией, но и наносил тем самым ущерб ее интересам.

²⁸ «Компания лондонских купцов, торгующих в Ост-Индии», была создана в 1600 г. Играла доминирующую роль в новой Ост-Индской компании, созданной в 1698 г. Окончательное слияние в одну «Объединенную компанию купцов Англии, торгующих на Востоке» (известную более как «Объединенная Ост-Индская компания») произошло в 1708 г., когда парламентским актом все права и обязанности старой компании были переданы новой компании.

²⁹ В упомянутом выше договоре 1688 г. содержалось, в частности, торжественное обязательство Компании «увольнять с нашей службы любого губернатора, который каким-либо образом будет препятствовать или отказывать в поддержке армянам в полном осуществлении ими всех привилегий, настоящим предоставляемых им».

Для обоснования «законности» захвата армянского судна английским капером ничего не давало и присутствие на борту индийского купца-мусульманина с товарами, купленными на деньги местных должностных лиц, ибо между англичанами и Великим моголом был мир. Поэтому у Кидда оставалась одна возможность—объявить судно французским. Доказать же французскую принадлежность судна можно было либо наличием французского пропуска, либо, на худой конец, французской национальностью капитана судна. Но если на «Кедахском купце» и был перестраховочный французский пропуск, Кидд, судя по всему, получить его не смог. Именно поэтому пират прибег к приему, к которому обращался и раньше: он заставлял французов, находившихся на борту захваченных им судов, представлять себя их капитанами. Этот же прием Кидд хотел применить на армянском судне, пользуясь тем, что в составе экипажа был канонир французского происхождения. Как выяснилось позже из показаний членов его команды, Кидд прикидывался, будто не понимает, что капитаном судна является англичанин Райт, а не этот француз³⁰.

Несмотря на отсутствие оснований, предусмотренных королевским патентом, Кидд приказал своим людям идти на борт и захватить судно. Судовладельцам и собственникам груза Кидд сообщил, что «он взял корабль по полномочию короля Англии»³¹. Кидд, конечно, понимал, что армянское судно не может быть присуждено ему как законный приз, и поэтому, в явном противоречии с порядком обращения с захваченным имуществом врага, решил продать груз его же собственникам и тем самым как бы получить санкцию самих потерпевших. Как это было подтверждено потом свидетельскими показаниями, Кидд сказал армянам, что они могут «выкупить» корабль, если предложат подходящую сумму. Последовавшее за этим предложение армян выплатить ему 20 000 рупий (около 3 000 фунтов стерлингов), а по другим данным—30 000 рупий, он отклонил, считая, что эта сумма несоразмерна ценности груза. По словам члена его команды Роба Брэдингема, Кидд «ответил им, что это всего лишь ничтожная часть денег и что груз стоит намного больше»³². Жадность обуяла его и он решил, что будет гораздо выгоднее самому реализовать товар.

Высадив команду захваченного корабля (за исключением, как указывалось, европейцев) в различных местах побережья, Кидд приступил к распродаже части груза—прежде всего быстропортящихся товаров (мануфактуры и пр.). Для этого он выбрал индийцев-банпанов, известных своей склонностью к торговле. Но и действуя в качестве купца, Кидд оставался разбойником. Приглашая покупателей на борт корабля, он создавал здесь видимость настоящих торгов, дотошно торгуясь и пунктуально заключая сделки. А получив деньги или обмененные товары и продукты, Кидд высаживал обманутых покупателей на берег, оставляя себе и полученные деньги и проданный товар, что было не совсем обычно даже для пирата³³.

Только теперь Кидд решил, что награблено достаточно и можно возвращаться в Америку. Но прежде чем завершить свою почти двухлетнюю пиратскую экспедицию, надо было рассчитаться с командой и подготовиться к дальнему рейсу через океан. Наиболее подходящим местом для этого был Мадагаскар—пристанище всех пиратов. Кидд со своим «призом» прибыл сюда в начале мая 1698 г. На этот раз обитавшие тут пираты были дома. Был здесь и небезызвестный капитан Каллифорд со своим пиратским судном «Резолюшн». Он слышал, что у Кидда есть поручение короля об аресте пиратов и захвате их имущества. Будучи в списке разыскиваемых, Каллифорд поначалу проявлял подозрительность, но Кидд сразу рассеял сомнения пиратов, сказав, что «он такой же головорез, как и они» и не собирается причинить им ни малейшего вреда: он скорее согласится, чтобы душа его горела в аду, чем тронет хотя бы во-

³⁰ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 19.

³¹ Об этом он сказал, в частности, персидскому фактору, перевозившему 400 тюков товара (Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1698 (Vol. 27). Madras, 1921, p. 38.

³² The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 17, 20, 26, 34.

³³ Captain Charles Johnson. Op. cit., p. 168—169.

лос на голове кого-либо из команды Каллифорда³⁴. Поднявшись с пиратами на борт корабля, Кидд, по словам свидетеля Р. Брэдингема, «поднял чашу бамбукового напитка и поклялся, что будет верен и окажет им помощь». В знак дружбы Кидд подарил Каллифорду пушки, ядра и якорь, столь нужные пирату, и еще передал ему трех членов своей команды³⁵. В свою очередь, в знак признательности и доверия, Каллифорд подарил Кидду китайский шелк. Свой подарок Каллифорд оценивал в 400—500 фунтов³⁶. Теперь пираты ходили в гости друг к другу на корабль уже без всякой опаски. Об этих деталях пиратского братания рассказали свидетели на судебном процессе Кидда. И. В. Можейко, не ссылаясь, однако, на источники, пишет, что о своих дружеских связях с Киддом капитан Каллифорд сам сообщил командующему английской эскадрой Литтлтоу, славшись ему по амнистии³⁷.

Из десяти или двенадцати тысяч фунтов стерлингов, полученных при «реализации» захваченного у армян товара, часть Кидд присвоил под видом расходов на приобретение боеприпасов и продовольствия. Кроме того, в соответствии с условиями договора, он имел право на сорок долей. Всего лично Кидд получил 8 000 фунтов³⁸. Остальную сумму он разделил между членами команды и на каждого моряка пришлось 200 фунтов стерлингов. Нераспроданную же часть захваченного имущества выгрузили с «Кедахского купца» и разделили в соответствии с условиями между членами пиратской шайки. Опытные моряки получили по одной доле—по три тюка на человека. Неопытным морякам давали только половину доли. Положенные капитану 40 долей должны были составить 120 тюков.

После раздела денег и имущества часть пиратской шайки Кидда—90 человек остались на Мадагаскаре и продолжали заниматься морским разбоем, перейдя на корабль Ост-Индской компании «Мота Фрингейт». Сам же Кидд, поскольку его каперский корабль дал течь, перебрался с частью своей команды на армянское купеческое судно, превратив его в военный корабль. Через четыре месяца, в сентябре 1698 г., полный радужных надежд, он взял курс на Нью-Йорк, везя в трюмах четвертую часть награбленного—дорогие товары, золото, деньги. Кидд, вероятно, надеялся, что в Америке под влиянием губернатора Белламонта адмиралтейский суд задним числом присудит приз. Он просчитался. Дело приняло иной оборот.

Прибыв в Вест-Индию, Кидд узнал, что обвиняется в пиратстве. Он еще не представлял себе всю серьезность положения, не верил, что его, исполнителя воли могущественного синдиката, могли обвинить в пиратстве из-за захвата имущества «туземных» купцов. Ведь ограбление торговых судов и грузов «азиатов» в Англии никогда не рассматривалось как преступление!³⁹ Кидд был уверен, что урегулирует это недоразумение. Ему все еще казалось, что возникшие проблемы связаны лишь с условием раздела добычи; он не знал, какие силы приведены в действие армянскими купцами и судовладельцами—жертвами его разбойных действий.

В случае с пиратским нападением Кидда, как и в других подобных ситуациях, армянские купцы и судовладельцы всеми доступными им средствами добивались возвращения принадлежавшего им имущества и наказания пиратов и их покровителей с целью предотвращения морского разбоя в будущем. Английская Ост-Индская компа-

³⁴ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 17.

³⁵ Ibid., p. 21, 35.

³⁶ Ibid., p. 49.

³⁷ И. В. Можейко. Указ. соч., с. 153.

³⁸ Captain Charles Johnson. Op. cit., p. 168—169; The Arraignment, Tryal and Condemnation.... p. 17.

³⁹ Чтобы убедиться в том, что Кидд мог думать именно так, достаточно обратиться к признаниям упомянутого уже Дж. Биддалфа относительно нравов, господствовавших среди его соотечественников: «Ограбление и плохое обращение с азиатами рассматривались как простительные проступки и многие моряки после совершения пиратских рейдов возвращались на борт честных торговых судов, и никто не думал об этом плохо»—J. Biddulph. Op. cit., p. 57.

ния, зная о влиянии, которым пользовались армянские купцы в Индии, и помня, к чему приводили их протесты в аналогичных случаях, приняла срочные меры, чтобы опередить и нейтрализовать действия армян. Сразу же по получении известия о захвате Киддом армянского судна английский губернатор Бомбея Джон Гейер отправил своего представителя к Великому моголу, чтобы успеть оправдаться от имени Компании до того, как в столицу поступят жалобы от пострадавших. Но этот демарш ожидаемых результатов не дал.

Расчетам английской компании помешали армянские купцы, предпринявшие быстрые и решительные шаги. В Сурате они обратились к наместнику Великого могола и в результате этого он выступил с угрозой наложить запрет на торговлю европейцев в порту Сурата. Не удовлетворяясь этим, армянские купцы вместе со своим мусульманским компаньоном обратились за помощью к Великому моголу Аурангзебу. Согласно упомянутому выше письму, присланному «Павлом армянином» из ставки Великого могола через некоего «армянского падре Setno Churdeech» (Тер-Мкртича?), фрахтователи «Кедахского купца» — «один мусульманин и три или четыре армянина» представили Аурангзебу прошение «с жалобой», что англичанин ограбил все их товары. По этому армянскому источнику Великий могол приказал губернатору Сурата Аманат Кауну «получить имущество от англичан в Сурате и вернуть собственникам», а если англичане не возвратят, прислать их к Великому моголу. Чиновник с приказом Аурангзеба вместе с жалобщиками направились в Сурат⁴⁰.

Внимательно следя за действиями армян, встревоженные представители Ост-Индской компании в форте Сент-Джордж извещали правление в Лондоне о развитии событий. Сообщили они и о том, что купцы, чьи товары на «Кедахском купце» были разграблены Киддом, добились от Великого могола приказа на имя губернатора Сурата с требованием заставить англичан вернуть разграбленные товары и что с этим распоряжением они направились в Сурат⁴¹.

И купцы, и Великий могол не без оснований считали, что лондонская Ост-Индская компания была тайно связана с пиратами⁴². Поэтому Великий могол возложил материальную ответственность за пиратство солидарно на англичан, французов и голландцев, потребовав уплатить в качестве компенсации потерь, причиненных пиратством, 14 лакхов (сотен тысяч) рупий. Только за разграбление «Кедахского купца» англичане должны были уплатить 2 лакха рупий. В подкрепление этого требования были приняты специальные меры обеспечения: к факториям европейцев в Сурате была представлена стража, всякая торговля и сношения с ними в Сурате, Бенгалии и других местах были запрещены⁴³. Реакция Великого могола отчасти объясняется как большим влиянием, которым пользовались армяне при дворе Аурангзеба⁴⁴, так и тем, что «мусульманский пайщик армян» действовал как торговый представитель высоких могольских должностных лиц: взяв у них 200 000 рупий (так в источнике), он обратил деньги в бенгальские товары и погрузил на армянское судно⁴⁵.

Как реагировали на это европейские колонизаторы? Голландцы и французы попытались было уйти от солидарной ответственности, сославшись на то, что пираты были англичанами. В то же время, видя решимость Великого могола положить конец европейскому пиратству, компании прибегли к угрозам. Голландцы заявили, что они вообще покинут Сурат. Что же касается англичан, то в ответ на требование Великого могола их губернатор в Бомбее Джон Гейер осуществил одну из самых ранних акций «дипломатии канонерок». Он снарядил три военных корабля и во главе эскадры при-

⁴⁰ Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1698, p. 57.

⁴¹ Records of Fort St. George. Letters from Fort St. George for 1698. Madras 1920, № 85, p. 70; № 91, p. 73.

⁴² J. Bruce. Annals..., Vol. III, London, 1810, p. 493 sq.

⁴³ Records of Fort St. George. Letters from Fort St. George for 1699. Madras 1919, p. 24.

⁴⁴ Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1698, p. 57.

⁴⁵ Ibid.

был в Сурат. Наведя пушки на крепость, Гейер послал к могольскому наместнику гонца с сообщением, что англичане не будут ни платить компенсации за действия пиратов, ни гарантировать от актов пиратства в дальнейшем. Он обещал лишь конвоировать корабли, идущие в Мокку. Сообщив, что война в Европе кончилась и что из Англии направлена эскадра, Гейер обещал, что она будет бороться с пиратами⁴⁶.

В этих условиях наместник Великого могола согласился не настаивать на компенсации самими компаниями за старые потери, если англичане примут обязательство компенсировать ущерб от пиратства в будущем. Это также было отвергнуто, но Аурангзеб настоял на своем, и в конце концов англичане, французы и голландцы вынужденно приняли письменное обязательство действовать совместно для уничтожения пиратства и компенсировать весь ущерб, который будет наноситься пиратами в будущем. Согласно принятым обязательствам голландцы выплачивали 70 000 рупий губернатору, конвоировали корабли с паломниками в Мекку и патрулировали вход в Красное море; англичане должны были уплатить 30 000 рупий и патрулировать акватории, которые тогда называли Южными индийскими морями; французы, заплатив столько же, должны были патрулировать Персидский залив⁴⁷.

Отказываясь от компенсации ущерба, причиненного Киддом и другими английскими пиратами в прошлом, под тем предлогом, что ни Ост-Индская компания, ни правительство Англии не могут нести за них ответственность, и беря под принуждением обязательство обеспечивать безопасность от нападений пиратов в будущем и соответственно принимая материальную ответственность за последствия будущего пиратского разбоя, англичане тем самым признавали необходимость ареста Кидда и суда над ним как над обычным пиратом.

Правление английской Ост-Индской компании, получая от своих представителей в Индии известия о мерах, принятых Великим моголом в связи с захватом армянского купеческого судна, стало опасаться за свое положение в Индии. Надо было успокоить Великого могола. Нужно было как можно скорее показать, что предприняты действенные меры против пиратства вообще и конкретно против Кидда. Именно поэтому полученную в августе 1698 г. информацию о захвате «Кедахского купца» и других совершенных Киддом пиратских актах правление Компании сообщило членам Верховного суда в Лондоне⁴⁸. В то же время англичане, чтобы успокоить Великого могола, сообщали в Индию, что в Англии приняты меры к лишению пиратов возможности получать припасы из Америки. Относительно капитана Кидда сообщали, что он арестован в Вест-Индии и что его, как и захваченных людей пирата Эйвери, будут судить⁴⁹.

На самом же деле правительство в Англии и Ост-Индская компания рассчитывали отделаться внешней видимостью борьбы с пиратством. Принятие каких-либо эффективных мер против пиратов саботировалось. Капитаны кораблей Ост-Индской компании отказались действовать в качестве конвоя под предлогом, что у них нет полномочий преследовать пиратов. Сама Компания не проявляла желания арендовать, экипировать и укомплектовывать командами местные суда⁵⁰. Когда же в январе 1699 г. в Индийский океан прибыла наконец английская военная эскадра из четырех кораблей под командованием коммодора Уоррена, начался период «странный» борьбы с пиратством. Королевские комиссары, находившиеся на борту, имели правомочия амнистировать добровольно сдавшихся пиратов; амнистия не распространялась только на самых известных—Эйвери и Кидда. Это вряд ли было показателем решимости англий-

⁴⁶ J. Biddulph. Op. cit., p. 52.

⁴⁷ Ibid., p. 52—53; J. Bruce. Annals... Vol. III, p. 275.

⁴⁸ A full account..., p. 6.

⁴⁹ Letters from the Court to the President and Council of Fort St. George, 21st November and 20th December 1699.—Letter (private) from the Court to President Pitt, 21st November 1699.—Letter from the Court to the Governor and Council of Fort St. David, 21st November 1699 (J. Bruce. Annals... Vol. III, p. 300).

⁵⁰ J. Bruce. Annals... Vol. III, p. 275.

ского правительства бороться с пиратством. Во всяком случае, коммодор поставил эскадру на якорь у Мадагаскара, воздерживаясь от активных поисков или преследования. Пиратов это не волновало и они спокойно ждали окончания показательных «операций». Ждать им пришлось недолго. Коммодор заболел и в ноябре 1699 г. умер. Сменивший его капитан Литтлтон боролся с пиратством не менее своеобразно. Два месяца он вел переговоры с пиратами, оказывая им при этом, как свидетельствует Гамильтон, различные услуги: «По каким-то весьма веским причинам он их отпускал на волю. А так как им трудно было килевать свои большие корабли, он щедро помогал им, поставлял большие блоки и снаряжение для очистки»⁵¹. Единственный «недружественный» акт по отношению к пиратам, зарегистрированный в судовом журнале, состоял в том, что на салют пиратов из девяти залпов Литтлтон ответил только пятью залпами⁵².

Что касается Кидда, то отношение Компании и английского правительства к нему должно было определяться их отношением к пиратству вообще. Очевидно, и тут дело ограничилось бы пустыми обещаниями и малоэффективными полумерами. Едва ли можно сомневаться в том, что королевский пират не был бы осужден за свои преступления. Самая большая неприятность, которая могла бы угрожать ему при обычных условиях, состояла в том, что большую часть награбленного имущества у него отобрали бы и распределили между высокопоставленными «пайщиками» предприятия. Его же, в знак благодарности, если бы «гонорар» оказался достаточным, провозгласили бы национальным героем, как это имело место в отношении Дрейка и других английских пиратов.

Первоначально события развивались, казалось бы, именно в этом направлении. Во всяком случае, и губернатор Белламонт, и английские власти в Лондоне больше заботились о получении своей доли добычи, чем о наказании преступления и возмещении ущерба, причиненного разбойными действиями их компаньона армянским купцам и судовладельцам. Да и сам Кидд, зная повадки своих высоких компаньонов, больше думал, как уберечь доставленные в Америку богатства от алчных претензий членов синдиката, чем о сохранении своей жизни. Поэтому он, проявляя осторожность, сперва рассредоточил и надежно запрятал свои сокровища. Часть их он разместил в различных тайниках на побережье нью-йоркского залива и уже потом направился на Род-Айленд. Отсюда через своего друга юриста Эммота связался с Белламонтом.

Кидд сообщал губернатору, что захваченный им в Индии «маврский корабль» (sic!) с грузом большой ценности оставил в бухте на побережье Эспаньолы (Большие Антильские острова), а сам, чтобы «договориться об условиях», прибыл сюда на шлюпе, имея на борту ценностей на тысячу франков. Кидд соглашался явиться к Белламонту при условии, что ему будет обещано прощение, уверял, что «может доказать свою невиновность показаниями многих свидетелей». Белламонт, которому нужны были доказательства, чтобы успокоить общественное мнение, ответил, что если Кидд в состоянии подтвердить свою невиновность, он может без опасений прибыть в Бостон.

Понадеявшись на власть денег и на возможности синдиката, Кидд 2 июля 1699 г. прибыл в Бостон, где его допрашивали губернатор и Совет. Тем временем люди Кидда тайно раздавали подарки. Большой подарок получила жена самого губернатора. Этого, однако, оказалось недостаточно и Белламонт потребовал указать ему местонахождение «Кедахского купца». Большой интерес и подозрительную заботу о судьбе захваченной Киддом добычи проявляли и его компаньоны в Англии. В специальном письме от 7 сентября 1699 г. лорды—члены Казначейства выразили надежду, что губернатор Белламонт примет необходимые меры «для сбережения захваченных Киддом и другими пиратами сокровищ от расхищения и пришет все сюда в сохранности»⁵³. Какие надежды возлагались в Лондоне с конфискацией богатств Кидда, можно лучше

⁵¹ J. Biddulph. Op. cit., p. 56.

⁵² Ibid.

⁵³ A full account..., p. 8.

представить, учитывая посланное туда сообщение Белламонга, что по наиболее достоверным подсчетам груз «Кедахского купца» стоит около 70 000 фунтов⁵⁴.

Кидд, однако, перехитрил своих высоких компаньонов. Он долго отказывался указать место, но в конце концов согласился. Туда решили послать специальное судно, но еще до того как оно было готово, выяснилось, что Кидд обманул и указал ложное место. В то же время от капитана Эвертли поступило сообщение, что люди Кидда перенесли грузы с «Кедахского купца» на шлюп и увезли на Кюрасао, а армянский корабль подожгли.

Тем не менее, понимая, что они связаны с Киддом одной веревкой, губернатор Белламонт в Америке и пайщики пиратского предприятия в Лондоне делали все, чтобы выгородить Кидда. Только после трех недель раздумий и колебаний губернатор арестовал своего подопечного, уже объявленного пиратом прежде всего благодаря действиям пострадавших армян. Идя на этот вынужденный шаг, губернатор, очевидно, еще не представлял, как будут развиваться события в Лондоне. Сообщники по синдикату надеялись, что им удастся оставить Кидда под крылышком Белламонга в далекой американской колонии и не допустить его доставки в Лондон, где накалялись страсти.

Благодаря энергичным протестам армян и решительным ответным мерам Великого могола Аурангзеба в Индии дело приняло совершенно неожиданный оборот в Англии. Откровенно пиратские действия Кидда, совершавшиеся на основании полномочий короля и организованные синдикатом высокопоставленных государственных деятелей—лидеров партии вигов, были использованы оппозицией в парламенте в политических целях. В результате разразился колоссальный политический скандал, в котором оказался замешанным и сам король. Представляя пайщиков этого предприятия как «опаснейшее объединение высокопоставленных людей, превратившихся в пиратов», открыто говорили, что они «занимались актами пиратства и разбоя по желанию и при поддержке его величества короля»⁵⁵. Как свидетельствуют современники, дело Кидда «долгое время было главным предметом дискуссий в королевстве». Более того, оно «было предметом разговоров во всем мире»⁵⁶. Палата общин решила провести следствие по этому делу, мотивируя свое решение тем, что полномочия, данные Кидду королем через губернатора Белламонга, наносят ущерб чести короля, «противоречат международному праву» и «пагубны для торговли»⁵⁷. Были уже подготовлены статьи импичмента против канцлера и других причастных к делу должностных лиц.

В этих условиях чем острее становилась обстановка в Англии, тем упорнее пиратский синдикат пытался удержать Кидда в Америке. Восемь месяцев, что он провел в бостонской тюрьме, шла переписка с Лондоном. Когда же Адмиралтейство послало в Америку специальный корабль «Рочестер» для доставки в Лондон пиратов и захваченного ими груза, случилось нечто весьма странное: из всех кораблей, направлявшихся в Новую Англию, он один не смог совершить это плавание. Сославшись на шторм, «Рочестер» в ноябре 1699 г. вернулся в Англию. В этом видели еще одно проявление тайного сговора, затрагивающего не только непосредственных организаторов пиратской экспедиции, но и высоких ее покровителей.

В связи с задержкой доставки Кидда в Лондон и настойчивыми усилиями вигов взять суд над ним под свой контроль парламент в марте 1700 г. специально предписал, чтобы до следующей его сессии Кидда не судили, не оправдали и не помиловали и чтобы лорд Белламонт прислал все необходимые документы. Опасаясь саботажа со стороны Белламонга и других членов синдиката, Палата представителей настаивала, чтобы Адмиралтейство представило все документы—письма, инструкции, протоколы допросов Кидда, королевское пожалование лорду Белламонту за Большой печатью, тексты соглашений между королем и получателями дарственных актов и все другие

⁵⁴ The Dictionary of National Biography. Vol. XI, p. 93—95.

⁵⁵ A full account..., p. 29.

⁵⁶ Ibid., p. 1, 3.

⁵⁷ Ibid., p. 21.

относящиеся к делу бумаги. Ожидались большие разоблачения. Шел слух о наличии еще одного патента, о существовании секретных статей. Говорили, что «тайные статьи, заключенные между Белламонтом и Киддом, раскроют истинные намерения»⁵⁸.

8 апреля 1700 г., узнав, что фрегат «Эдвайс», доставивший Кидда в Англию, прибыл на о. Ланди и направился в Даунс, куда король послал за ним яхту и назначил маршала Адмиралтейства для взятия его под стражу и изъятия его бумаг, парламент принял еще одно постановление, предписывавшее доставить Кидда для допроса прямо на скамью Палаты общин, с тем чтобы устранить всякую возможность воздействия на него. Парламентарии не без оснований, конечно, опасались закулисного сговора. Как только Кидда доставили в Лондон, начались споры, кто должен вести следствие. Комиссия Адмиралтейства взяла на себя рассмотрение дела Кидда. Король распорядился, чтобы все дело было рассмотрено на заседании Тайного Совета в его личном присутствии. 14 апреля 1700 г. Адмиралтейство «приватно» допросило Кидда. Все это вызвало резкие возражения в Палате представителей, которая настаивала на парламентском рассмотрении дела, протестовала против его рассмотрения в Комиссии Адмиралтейства на том основании, что она не составляет суда и не обладает соответствующей судебной юрисдикцией⁵⁹. В результате компромисса по просьбе Адмиралтейства парламент допустил судью Адмиралтейства на допрос Кидда в присутствии депутатов 14 апреля 1700 г. Но после того как Кидду были заданы вопросы о пиратстве, представителя Адмиралтейства попросили уйти и допрос продолжался, но теперь показания Кидда о причастности тех, кто дал ему королевские патенты,—лорда-канцлера Сомерса, первого лорда Адмиралтейства Орфорда, государственного секретаря лорда Ромни, лорда Белламонта и других, были уже достоянием и секретом Палаты общин. Парламентариев интересовало в первую очередь, имел ли Кидд секретные указания синдиката нападать на местные корабли и присваивать награбленные сокровища. Иначе говоря, существовала ли тайная договоренность о занятии пиратством.

Можно представить, какие усилия прилагали король и его окружение, чтобы замкнуть дело или, во всяком случае, скрыть подлинную роль высокопоставленных пайщиков. Рассказывали, что после заседания парламента на обеде в доме «знатного лорда», когда за столом говорили о Кидде и «неприятностях, причиненных этим делом лицам, заинтересованным в королевском пожаловании», король сказал, что «если бы по английским законам он мог выступать в качестве свидетеля, то дал бы показания в пользу лордов в отношении всех их действий»⁶⁰. У короля, как и других замешанных в деле знатных особ, было много возможностей влиять на ход расследования. Среди них—непосредственное воздействие на Кидда, от показаний которого зависело многое. Если канцлеру и другим высокопоставленным викам грозили политический скандал и импичмент, то для самого Кидда дело шло о жизни и смерти. Будет ли он молчать, возьмет ли всю вину на себя? Больше года провел Кидд в знаменитой лондонской тюрьме строгого режима Ньюгейт и все это время к нему подсылали представителей двух противостоящих групп, организовывали тайные встречи с замешанными в пиратстве лордами. В дело было вовлечено много людей—от короля Англии до хозяйки таверны на Чаринг-кросс, сторожа тюрьмы Ньюгейт и владельца кофейной около Палаты представителей. Одни внушали ему, чтобы он сказал правду и не шел на казнь ради высокопоставленных вдохновителей и организаторов этого пиратского предприятия. Другие обещали поддержку, если он выгородит членов синдиката. Судя по поведению Кидда, он прислушивался к последним. Вероятно, он верил в их всемогущество: сумели же они оттянуть суд на целый год! Не исключено, что он боялся расправы. Говорят даже, что, давая показания в парламенте, он бывал пьян. Во всяком случае, Кидд был хорошо подготовлен к допросам. Он не сказал ни слова, могущего быть истолкованным во вред членам синдиката.

⁵⁸ Ibid., p. 31.

⁵⁹ Ibid., p. 32.

⁶⁰ Ibid., p. 36.

Поскольку Кидд отрицал наличие секретных инструкций, оппозиция в парламенте не смогла доказать, что пиратские действия Кидда были совершены по прямым указаниям, полученным от синдиката. Это дало вигам возможность отыгаться на одном Кидде, сведя все к нарушениям полученных им полномочий. В итоге оппозиции не удалось добиться осуждения членов синдиката. При голосовании в Комитете полного состава Палаты общин было отклонено общее обвинение в том, что королевские пожалования каперских полномочий наносят ущерб чести короля, противоречат статутному праву Англии, посягают на частную собственность и губительны для торговли.

Возник принципиальный спор о законности каперства, о различии между каперством и пиратством, об абсолютно необходимых условиях правомерного приза, о правах короны на имущество, захваченное пиратом, и т. п. Позиции членов синдиката, т. е. позиции официальной Англии, изложены как в материалах расследования, так и в специальной публикации—памфлете, подготовленном «другом» Белламонты, который представлял себя «личностью с высокими достоинствами». Защита членов синдиката строилась прежде всего на доказательстве законности пожалования королем каперского патента Кидду путем ссылок на международно-правовые обычаи. Опираясь на широкое толкование института каперства юристами средневековья, утверждали, что во время войны все государи имеют право выдавать каперам полномочия вести борьбу с противником, захватывать, удерживать и использовать его корабли и грузы или такую их часть, какую государь сочтет нужной в зависимости от условий войны и в той мере, в какой необходимо поощрять каперство. С передачей права вести войну подданным к ним переходит право государа на военную добычу и право судить, кого считать врагом. Предоставление каперам права ареста судов и их груза до вынесения решения суда об их присуждении тем самым допускает и «возможность того, что они могут причинять трудности друзьям и союзникам: завладевать судами купцов, находящихся в мире с королем, или по меньшей мере их имуществом, которое может оказаться на борту вражеских судов». Поскольку же «нормально презюмируется», что право собственности на имущество принадлежит тому, кто им обладает, то на пострадавших дружественных купцов может лечь бремя доказательства в английском суде своих прав на имущество, захваченное лицами, обладающими каперским свидетельством⁶¹.

Хотя с точки зрения международного права пиратство не порождает перехода прав собственности на захваченное имущество и потому королевская казна в случае ареста пирата могла распоряжаться только личным имуществом самого пирата, но не его добычей, сторонники синдиката утверждали, что король якобы имел право «на всякое имущество, которое могло быть взято лицами, действующими по его поручению, в тех случаях, когда собственник такого имущества, находившегося во владении пиратов, не был известен или его право собственности не могло быть доказано». Ссылаясь на Гуго Гроция и других юристов-международников, утверждали, что и в том случае, когда право собственности могло быть доказано, король имел право на «разумное вознаграждение» от собственников имущества, отобранного от пиратов на основе его поручения с учетом расходов на экспедицию, что должно быть установлено и определено надлежащим судом. Кроме того, опять же ссылаясь на морское право, утверждали, что «если пират силой и незаконно захватывает судно, а потом совершает на нем пиратские действия, то собственник теряет права на такое судно и оно, если пират будет принужден к подчинению и арестован лицами, действующими по полномочию короля, принадлежит королю»⁶².

Применительно к конкретному случаю с армянским судном это означало, что король мог претендовать на «ряд прав и интересов» в отношении захваченного Киддом имущества либо непосредственно, либо через назначенных лиц, получивших его пожалования. При всех случаях это была попытка легализовать присвоение результатов морского разбоя, осуществлявшегося либо под видом каперства, либо открыто, как пиратство.

⁶¹ Ibid., p. 27.

⁶² Ibid., p. 25

Участие в данном деле высших должностных лиц королевства оправдывали тем, что и во времена королевы Елизаветы в Англии такими делами занималось большинство высокопоставленных особ. Более того, каперство и пиратство представлялись как отвечающие высшим национальным интересам. Исходя из этого, против критиков синдиката выдвигалось контробвинение—что они «предают страну»⁶³.

Большой интерес для истории борьбы с пиратством представляют юридические аргументы, выдвинутые против организаторов этого пиратского предприятия. Указывалось, что для правомерности приза действия капера должны соответствовать нормам международного права, в частности, приз должен быть присужден соответствующим судом. Указывалось, что с правовой точки зрения король не мог «жаловать» имущество, захваченное капером, по крайней мере до вынесения соответствующего судебного решения. Из противоречивших международному праву положений королевских пожалований, которыми захваченные суда и грузы рассматривались как правомерные призы без их предварительного присуждения судом, могли делаться далеко идущие выводы, будто держатели этих пожалований были вправе распоряжаться захваченным имуществом по своему усмотрению. Это практически лишало незаконно пострадавших судовладельцев и грузовладельцев возможности защиты своих прав⁶⁴.

Указывалось, что поскольку Кидд действовал не как капер, а как пират, то в соответствии с международным правом пиратский захват имущества не мог повлечь изменения права собственности. Из этого следовало, что собственники имущества, захваченного пиратом, сохраняют законный титул, а всякое распоряжение таким имуществом кем бы то ни было, в том числе королем, юридически неправомерно⁶⁵. Король мог распоряжаться только личным имуществом самого пирата, но не его добычей. Тем не менее слова в королевских патентах Кидда были подобраны так, чтобы замаскировать очевидную несправедливость и скрыть, что речь идет о незаконном распоряжении имуществом пострадавших купцов. Указывалось также, что купцы, при незаконном захвате их имущества, заранее лишались правосудия в английском суде, поскольку и лорд-канцлер, и лорд Адмиралтейства, и члены Верховного суда, и, наконец, сам король были заинтересованные лица. Жертвы пиратства не могли надеяться на правосудие в суде лорда-канцлера, поскольку это противоречило бы интересам лорда-канцлера. Они не могли надеяться на правосудие в Адмиралтействе, где председательствовал лорд Орфорд—другой член синдиката. Они не могли рассчитывать на правосудие короля, поскольку всякий доступ к нему осуществлялся через секретаря, а им был член синдиката герцог Шрусбери. Не могли они добиться правосудия и в английской колонии—в Америке, поскольку там был лорд Белламонт. Таким образом, их единственным судьей, от кого зависело определить законность захвата груза, был сам капитан Кидд. Указывалось, что этот казус может послужить плохим прецедентом, ибо заранее признавать виновными и лишать имущества противно идее правосудия и Биллю о правах⁶⁶.

Оценивая достоинства международно-правовых аргументов, выдвигавшихся сторонами, следует учесть прежде всего их ограниченность, обусловленную временем. Это проявилось в том, что английский парламент отказался осудить каперство даже тогда, когда оно выражалось в чистом пиратстве. Англия не могла и не хотела отказываться от каперства—одной из основ политики колониализма и морского гегемонизма. Поэтому осуждению подверглось отступление от формальных канонов каперства. Долгие дебаты в Палате общин завершились своеобразной сделкой. Угроза импичмента высокопоставленным вигов была снята. Подлинный организатор этого предприятия губернатор лорд Белламонт умер своей смертью 5 марта 1701 г. в Нью-Йорке. Он был похоронен с почестями. Действовавшего по его сценарию главного испол-

⁶³ Ibid., p. 30.

⁶⁴ Ibid., p. 28.

⁶⁵ Ссылка на этот основополагающий принцип международного права встречается и в других случаях судебной защиты армянами своих прав от пиратов.

⁶⁶ A full account..., p. 22.

нителя планов синдиката—капитана Кидда в соответствии с решением парламента предали обычному суду.

Кидда судили 8—9 мая 1701 г. в суде Адмиралтейства в Оулд-Бейли за пиратский захват армянского корабля «Кедахский купец» и за убийство каноника Мура, не желавшего заниматься пиратством вместе с ним. По обвинению в пиратстве судили девять членов его команды. Два других члена команды были представлены в качестве королевских свидетелей. На суде присутствовал и один из пострадавших армянских негоциантов—тот, кто предложил выкупить корабль за 20 000 рублей⁶⁷.

Теперь, когда вопрос о непосредственном и прямом участии членов правительства в пиратстве был снят, вопрос на суде стоял в несколько иной плоскости, чем при рассмотрении в парламенте. Кидду и членам его команды было предъявлено обвинение в том, что они «в открытом море на расстоянии десяти лиг⁶⁸ от Кочина в Ост-Индии и в пределах юрисдикции Адмиралтейства Англии по-пиратски и преступно напали, взяли на abordage, ворвались и завладели торговым судном под названием «Кедахский купец», принадлежавшим лицам, с которыми... присяжные лично не знакомы, и после этого там, на том же самом судне, по-пиратски и преступно совершили физическое насилие над моряками, когда милостью Божией и нашего самодержавного государя короля царил мир, и после этого там по-пиратски и преступно угрожали жизни названных моряков этого судна, которые находились на вышеупомянутом судне, и после этого там, на вышеупомянутом судне, в открытом море, на расстоянии десяти лиг от вышеупомянутого Кочина в вышеупомянутой Ост-Индии и в пределах вышеуказанной юрисдикции по-пиратски и преступно, воровским образом завладели, захватили и увели упомянутых моряков упомянутого судна и из их попечения и владения в вышеупомянутом открытом море в вышеупомянутом месте, на расстоянии десяти лиг от вышеупомянутого Кочина в вышеупомянутой Ост-Индии и в пределах вышеуказанной юрисдикции во время вышеупомянутого мира и в нарушение мира, царившего милостью нашего самодержавного государя короля, и в ущерб его короне и его достоинства и т. д. упомянутое торговое судно под названием «Кедахский купец». Подробно перечислялись состав и стоимость захваченного имущества—как корабля, так и его груза, которые состояли «на попечении и во владении названных моряков, находившихся на том же судне»⁶⁹.

В цитированном отрывке обвинительного акта со средневековой казуистичностью настойчиво подчеркивается мысль, что захват судна и груза произошел в открытом море и с применением насилия к владельцам судна и груза, с которыми Англия находилась в состоянии мира. Обвинитель от Адмиралтейства д-р Ньютоп, изложив обстоятельства дела, дал следующую оценку действиям Кидда: его преступления, сказал он, нанесли ущерб не только непосредственно пострадавшим, но и вообще всей торговле на Востоке. Его преступления осуждают не только пострадавшие, но и все человечество⁷⁰.

Зачитав тексты королевских патентов, Кидда спросили, что он может сказать в свое оправдание, чем может обосновать захват «Кедахского купца» и его груза. Кидд строил свою защиту на том, что он действовал в пределах полномочий, предусмотренных каперским свидетельством и королевскими патентами, что захват «Кедахского купца» и его груза представляет законный приз, так как корабль и его груз принадлежали французам. Такая постановка вопроса, если бы она была подтверждена и принята судом, отвечала интересам и Кидда, и синдиката. В случае успеха (впрочем, уже маловероятного!) члены синдиката получили бы дополнительные козыри против оппозиции, а в случае неудачи ответственность падала на одного Кидда, поскольку его действия расценивались бы как самовольное нарушение условий королевских пожалований. Теперь, когда узы, связывавшие судьбу членов синдиката с судьбой Кид-

⁶⁷ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 26.

⁶⁸ В Англии лига равнялась 3 морским милям.

⁶⁹ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 14.

⁷⁰ Ibid., p. 17—18.

да, были разорваны, суд мог, если бы не было иного выхода, определить действия Кидда как несовместимое с полученными полномочиями пиратство, не очень опасаясь последствий этого для синдиката.

Излагая содержание судебного дела и оценивая правовые аргументы, выдвигавшиеся Киддом в свое оправдание, «лорд главный барон» Уорд заявил суду: «Он [Кидд] сказал Вам, что действовал на основании полученных патентов, но это можно принять только в том случае, если он представит Вам доказательства того, что корабль и его груз принадлежали французскому королю или его подданным или что корабль имел французский пропуск. В противном случае ничто не может освободить его от обвинения в пиратстве, ибо если он захватывает имущество, принадлежащее друзьям, то он пират. У него не было никаких полномочий на это. Имеющиеся у него патенты не дают ему никаких оснований для захвата такого имущества»⁷¹. Отмечая, что подсудимый «стремится доказать, что судно и его груз принадлежат французам или, по крайней мере, что судно находилось в плавании с французским пропуском», Уорд исходил из того, что если бы дело обстояло так, как говорил Кидд, это был бы «законный приз, подлежащий конфискации». В противном же случае, если будет доказано, что захват был совершен в открытом море и если имущество принадлежало лицам, находящимся в мирных отношениях с английским королем, тогда эти действия должны квалифицироваться как «чистое пиратство»: «Такие действия, совершенные на суше, составляли бы тяжкое уголовное преступление, а будучи совершены на море, они составляют пиратство, ибо это захват судна у законных собственников и его использование для себя»⁷².

Итак, дело сосредоточивалось вокруг доказательства факта принадлежности судна и его груза армянам и подданным Великого могола, а не французскому королю или его подданным.

В отличие от пиратствующих каперов, а в более широком плане — от колониальных морских держав, не проводивших различия между национальной принадлежностью судна и груза и тем оправдывавших захват нейтрального груза на вражеском судне, в аргументации армянских купцов прослеживается четкое разграничение юридического положения судна и перевозимого на нем груза. Транспортируя значительную часть своих товаров на судах постоянно враждовавших между собой европейских государств, армянские купцы были заинтересованы в обеспечении интересов нейтральных грузовладельцев. К разграничению положения судна и груза прибегали и в тех случаях, когда армянам принадлежали как судно, так и груз. Тем самым перестраховывались интересы армян-грузовладельцев при захвате судна под предлогом его вражеского флага — мнимого или действительного.

Такая позиция армянских купцов имела и более широкую международно-правовую основу, восходившую к традициям Киликийской Армении. Задолго до утверждения в международном праве этого принципа армянские купцы исходили из того, что нейтральные грузы, захваченные на неприятельском судне, подлежат возврату их собственникам⁷³.

Хотя английская практика долгое время не воспринимала формировавшуюся норму, согласно которой нейтральное имущество, находящееся на борту вражеского судна, должно быть объявлено свободным от захвата, на судебном процессе Кидда, очевидно под воздействием армян, видевших в этом дополнительные возможности защиты своих интересов, ставился отдельный вопрос об установлении принадлежности самого груза. В частности, лорд Уорд задавал свидетелям Брэдинхему и Палмеру специальный вопрос: «Принадлежал ли груз французам или армянам?» Ответ был однозначный: «Армянским купцам»⁷⁴.

⁷¹ Ibid., p. 34.

⁷² Ibid., p. 33—34.

⁷³ Этот принцип был окончательно подтвержден в Парижской декларации 1854 г.

⁷⁴ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 20, 25, 26.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что и сам Кидд, не очень надеясь на возможность доказать французскую принадлежность судна и его груза, упорно называл их армянских владельцев «маврами», «мусульманами», а о самом «Кедахском купце» говорил не иначе как о «маврском», «мусульманском корабле». Делалось это сознательно, с целью обойти тот факт, что корабль и его груз были захвачены в прямое нарушение упомянутого уже договора английской Ост-Индской компании с «армянской нацией»⁷⁵.

Поскольку установление неприятельского характера судна и его груза упиралось в их национальную принадлежность, на судебном процессе неизбежно должен был возникнуть и вопрос о том, как она определяется. В практике национальность судна определялась не столько национальностью его судовладельца, сколько его флагом и пропуском. Поэтому вопрос о французском пропуске стал ключевой проблемой всего судебного процесса. Если бы Кидд мог представить французский пропуск или иначе доказать его существование как подтверждение французской принадлежности захваченного корабля, это дало бы английскому суду и покровителям Кидда реальную возможность оправдать пирата, представив его капером, действовавшим в соответствии с королевским патентом. Хотя согласно действовавшим нормам международного права капер и в этом случае должен был бы провести инвентаризацию судна и его груза и добиться судебного присуждения приза, это требование явно отступало на задний план. Из анализа общей обстановки и материалов самого суда видно, что если бы Кидду и его защитникам удалось «доказать» французские связи корабля и его груза, английский суд не придал бы должного значения тому важному обстоятельству, что он нарушил условия каперского патента и, не дожидаясь признания судом Адмиралтейства законности приза, распродал и присваивал добычу. «Если корабли, которые он захватил, имели французский пропуск, это служит законным основанием для захвата и обвинение в пиратстве будет снято», — заявил на суде д-р Олдиш⁷⁶.

Это не означало, что факт самовольного распоряжения захваченным имуществом не имел на суде какого-либо значения. Если бы Кидд не смог доказать наличия французского пропуска, то в этом случае раздел и присвоение груза «Кедахского купца» превращались в дополнительное и притом весьма веское доказательство пиратских действий. Поэтому Кидд и его покровители настаивали на том, что армянское судно имело французские связи и, следовательно, он «был не пиратом, а служил своему королю и своей стране»⁷⁷.

Заранее продуманная версия с французским пропуском не была оригинальным изобретением Кидда или синдиката. Она основывалась на обычной у каперов практике приписывания незаконно захваченному судну вражеской национальности. Так поступил, в частности, шевалье Анри д'Англиор де Бурлемоп в 1649 г. при захвате в Средиземном море торгового корабля «Мерканте Армено», принадлежавшего армянскому судовладельцу Антону Богосу и перевозившего груз армянских купцов. За неимением других оснований для захвата «Кедахского купца» Кидд пытался подвести под эту версию необходимую базу уже во время захвата судна. Потом он безуспешно ссылался на это при расследовании в парламенте, а теперь продолжал свою линию на суде. И все безуспешно.

Свидетели противной стороны показали, что Кидд, стремясь с самого начала создать доказательства французской принадлежности захваченного судна, притворялся, будто верит, что француз-канонир был капитаном «Кедахского купца», хотя все знали, что он не был капитаном⁷⁸. На просьбу представить суду французские пропуска, изъятые им, по его словам, при взятии армянского и других судов, Кидд заявил, что они будто бы находятся у губернатора Белламонта. И хотя с тех пор и до настоящего

⁷⁵ Любопытно, что этой линии придерживаются и почти все английские историки пиратства.

⁷⁶ The Arraignment, Tryal and Condemnation..., p. 6.

⁷⁷ Ibid., p. 6.

⁷⁸ Ibid., p. 60.

го времени ходит версия защитников Кидда, утверждавших, что французский пропуск якобы на самом деле был отобран у капитана армянского корабля и вместе со всеми документами и судовым журналом передан организатору этого предприятия Белламонту⁷⁹, она не дала нужного им правового эффекта.

Выше уже указывалось, что в условиях, когда военные корабли европейских колониальных государств захватывали купеческие суда, не имевшие их пропусков и лицензий, армянские судовладельцы «Кедахского купца» могли иметь «про запас» французский пропуск. Именно эту вероятность учитывали и использовали создатели версии «французских связей» армянского судна. Однако и тогда на суде, и теперь перед историком возникает вопрос, ответа на который не дают: почему же член синдиката, непосредственно занимавшийся снаряжением экспедиции капитана Кидда, должен был утаить доказательства невиновности своего соучастника и исполнителя? Единственный аргумент в пользу такого предположения заключался бы в том, что Белламонт мог быть заинтересован в обвинении Кидда в пиратстве, рассчитывая присвоить привезенные им сокровища, но это предположение отпадает по ряду соображений и противоречит фактам. Во-первых, не Белламонт первый обвинил Кидда в пиратстве. Напротив, он оказался перед свершившимся фактом. Во-вторых, он не мог рассчитывать на получение изъятых у Кидда сокровищ, ибо, как он сам признавал в своих письмах, ввиду виновности Кидда в пиратстве арматоры «Корабля приключений» не могли ссылаться на королевские пожалования как основание для нрав на имущество, привезенное Киддом⁸⁰. Наконец, это было просто неблагоприятно, ибо обвинения Кидда в пиратстве навлекали обвинения в адрес всего пиратского синдиката. По словам Дж. Биддалфа, «невероятно», чтобы французский пропуск армянского корабля был в руках Белламонта и он не преминул бы представить его, ибо сам обвинялся в соучастии в пиратстве и всем им грозил импичмент⁸¹. Логичнее предположить, что Белламонт и другие члены синдиката были заинтересованы в представлении доказательств французских связей армянского и других судов, захваченных Киддом на основании королевского патента.

Не удовлетворяясь голословными заявлениями обвиняемого, суд потребовал предъявить доказательства существования такого пропуска. Кидд обещал представить свидетелей, которые подтвердят, что захваченный им корабль имел французский пропуск, но свидетели подтверждали только, что они слышали от самого Кидда, будто таковой есть. Свидетель Палмер сказал, что он «не видел никакого пропуска». Тогда сам Кидд задал ему наводящий вопрос в форме утверждения: «Но вы слышали о нем», — сказал он. На это Палмер отвечает: «Я слышал о нем, но никогда не видел». Дэвпс, приглашенный по просьбе Кидда в качестве свидетеля, не смог подтвердить, что французские пасты, о которых он слышал от капитана Элмса, действительно принадлежали «Кедахскому купцу». Брэдинхем, которого по просьбе Кидда повторно спросили о пропусках, снова ответил отрицательно: «Я никогда не видел французского пропуска, я только слышал о нем»⁸². Суду ничего не оставалось, как констатировать, что «нет никаких доказательств, подтверждающих наличие французских пропусков, и, судя по всему, никто не видел их, кроме него самого, если только он сам их видел»⁸³.

Армянские купцы через своего представителя на судебном процессе сумели доказать, что как корабль, так и его груз принадлежали армянам. Они ссылались и на соглашение Компании с «армянской нацией» 1688 года, и на существующие мирные отношения между Великим моголом и королем Англии. Внимание суда было обращено на то обстоятельство, что при захвате судна «капитан заявил, что корабль и его груз принадлежали друзьям, а не врагам»⁸⁴. В резюме «лорда главного барона» Уорда на

⁷⁹ И. В. Можейко. Указ. соч., с. 154—155.

⁸⁰ A full account..., p. 36.

⁸¹ J. Biddulph. Op. cit., p. 59—60.

⁸² The Arraignment, Trial and Condemnation..., p. 22, 25, 26, 28, 29.

⁸³ Ibid., p. 34.

⁸⁴ Ibid.

основании материалов судебного разбирательства подтверждалось, что захваченный Киддом «Кедахский купец» принадлежал армянам: «Как вы слышали, свидетели подтверждают, что судно и его имущество принадлежат армянам и другим людям, находящимся в мирных отношениях с королем»⁸⁵.

Поскольку Кидд продолжал бездоказательно ссылаться на существование французских пропусков, внимание суда обращалось и на то обстоятельство, что даже наличие французского пропуска и пользование французским флагом не давали бы ему права на присвоение судна и его груза, так как в соответствии с действовавшими правилами для законности приза необходимо решение специального призового суда. Кидду указали, что если бы «Кедахский купец» имел французский пропуск и шел под французским флагом, то он обязан был бы произвести опись корабля и его груза, а затем добиться судебного присуждения приза в соответствующем суде Англии или какого-либо английского владения⁸⁶, как он сделал это с небольшим французским судном, захваченным между Плимутом и Нью-Йорком в начале подготовки экспедиции. В этом случае Кидд мог бы претендовать лишь на свою часть приза, а король должен был получить свою, как это предписывалось в патентах. Однако «ничего этого не было сделано, а захваченные деньги и товары были разделены»⁸⁷. Кидд не смог объяснить, почему он никак не проявил намерения добиться судебного присуждения приза и распорядился всем грузом по своему усмотрению.

Не имея возможности отрицать факт незаконного присвоения захваченного груза и его дележа между членами своей команды, Кидд стал ссылаться на «бунт» экипажа⁸⁸. Он утверждал, что не стремился к пиратскому захвату купеческих судов, не хотел присвоения их груза и его захвата, что к этому его каждый раз вынуждала бунтующая команда, которая предварительно запирала его в капитанской каюте. По словам Кидда, он не принимал участия даже в разделе добычи, более того—даже не знал о нем⁸⁹. Этот «аргумент» был рассчитан не на простаков, как может показаться на первый взгляд, а на изощренных в оправдании пиратства его покровителей. Но и он оказался несостоятельным, ибо мало кто мог поверить, что каждый раз, при всех многочисленных актах пиратства, его запирали в каюте. Напротив, из свидетельских показаний стало очевидно, что сам Кидд активно призывал команду к морскому разбою. По показаниям Палмера, во время погони за караваном, направлявшимся в арабский порт Мокка, Кидд вдохновлял свою команду обещаниями богатой добычи: «Давайте, ребята! Я сделаю из этого каравана много денег!»⁹⁰

Когда Кидд попытался на суде свалить вину за пиратский захват армянского судна на команду, произошла любопытная перепалка между ним и членом его команды Палмером, позволяющая узнать некоторые подробности захвата «Кедахского купца» и роли в этом самого Кидда. Воспроизведем эту сцену инспирированного им же «бунта» на основании судебного протокола:

Кидд: Я вызвал всех вас на палубу, чтобы посоветоваться. Вы знаете, господин Палмер, я бы вернул им это судно, но вы бы не вернули. Вы все голосовали против возвращения.

Палмер, указывая на армянина, присутствовавшего на суде, отвечает Кидду: «Этот человек предложил вам 20 000 рупий за судно, но вы отказали ему».

Кидд: А не спросил ли я, куда вы поведете это судно? А вы сказали: «Мы захватим его и возьмем на Мадагаскар».

Палмер: Капитан Кидд сказал своим людям: «Эти армяне подняли такой шум из-за судна, что я должен был сказать, что мои люди не откажутся от него».

Но на месте не было и четверти людей, которых это касалось. Армяне стали

⁸⁵ Ibid., p. 33.

⁸⁶ Ibid., p. 28.

⁸⁷ Ibid., p. 33, 34.

⁸⁸ Ibid., p. 32.

⁸⁹ Ibid., p. 60.

⁹⁰ Ibid., p. 23.

кричать и ломать руки в отчаянии. Тогда капитан Кидд сказал: «Я должен сказать, что мои люди не отдадут им судна». Поэтому некоторые люди из команды пошли на полубак, делая вид, что они не отдадут им судно. Но их было меньше четверти людей, которых это касалось⁹¹.

В судебных протоколах содержатся и другие сведения об активной роли Кидда. Так, на вопрос, присутствовал ли он при захвате «Кедахского купца» и дележе добычи, член команды подсудимый Черчилль ответил: «Да, милорд, но я ничего не мог поделать. Я был вынужден выполнять приказы, которые давал мне капитан». Такие же показания дал подсудимый Джеймс Хоув⁹².

По свидетельствам Палмера и других членов команды было установлено, что Кидд, захватывая торговые суда, «подвергал их грабежу и разбою», избивал и применял пытки, чтобы узнать, где деньги, не утаили ли от него что-то стоящее его внимания⁹³. На суде подтвердилось, что Кидд добивался беспрекословного повиновения команды, представляя в качестве «бунтовщиков» и расправляясь с теми, кто возражал против его разбойных действий. Так, он обвинил в бунте и убил артиллериста — «мавра», который не хотел участвовать в его преступлениях.

Суд не мог не сделать должного вывода из того факта, что Кидд никогда не пытался приводить захваченные им суда в порт для судебного присуждения приза. «Если бы Кидд действовал на основе своего патента, он должен был получить судебное решение об обоснованности захвата судна и груза в случае наличия французского интереса или если судно совершало плавание с французским пропуском, — рассуждал суд. — Тем, что он не проявлял желания получить такое судебное решение, он показал свои цели, намерения и желания, он показал, что действовал не на основании своего патента, а вопреки ему...»⁹⁴

Установив, что как само судно, так и его груз принадлежали армянам — «народу, находящемуся в дружбе с королем Англии», суд пришел к заключению, что ни один из имевшихся у Кидда патентов не был применим к захвату им «Кедахского купца». Поэтому 9 мая Кидда, как и шестерых его сообщников, признали «виновными в пиратском захвате судна и находившегося на нем груза», а также в других актах пиратства и приговорили к смертной казни. «Милорд, это очень жестокий приговор, — сказал он в последнем слове. — Я самый невиновный из всех них»⁹⁵.

Еще две недели после вынесения приговора священник призывал его признать свою вину и раскаяться, но он был непреклонен. Его повесили вместе с сообщниками 23 мая 1701 г. в доке, где казнили пиратов. Веревка на перекладине оборвалась. Кидда подняли и повесили на дереве.

Относительно возмещения ущерба армянских грузовладельцев и судовладельцев сведений нет. Означает ли это, что они получили соответствующую долю из суммы компенсации, предусмотренной по соглашению с Великим моголом? Это представляло единственную реальную возможность обеспечения интересов пострадавших. Если бы им пришлось полагаться на английское правосудие, их шансы на возвращение имущества сводились бы практически к нулю. И не только потому, что сам Кидд скрыл его, но и потому, что этого не допустило бы само английское государство, несмотря на то, что юридически, с точки зрения права имущество, захваченное пиратом, не меняет собственника и подлежит возврату. Исключение составляло лишь личное имущество самого пирата, которое могло перейти казне. Однако в действительности ни виги, организовавшие это пиратское предприятие, ни их оппозиция не стремились к возвращению отбираемого у пиратов имущества его законным собственникам. В Англии использовали в качестве средства обогащения не только пиратство, но и «борьбу» с пиратством, когда им занимались другие. Красноречивое свидетельство тому два патента, выдан-

⁹¹ Ibid., p. 25—26.

⁹² Ibid., p. 26.

⁹³ Ibid., p. 16—17, 23, 24.

⁹⁴ Ibid., p. 34.

⁹⁵ Trial of Captain Kidd. Ed. by Graham Brooks. Edinburgh, 1930, p. 187.

ных Кидду королем Англии: на основе одного он мог сам заниматься морским разбоем в качестве английского капера, на основе другого должен был задерживать пиратов, вышедших из-под контроля. Учитывая богатства, присваивавшиеся пиратами, нетрудно представить, что их задержание или прощение при добровольной сдаче были весьма прибыльным делом и поэтому сама возможность заниматься этим была предметом вожделений и острой конкурентной борьбы.

Английская Ост-Индская компания, ссылаясь на то обстоятельство, что «большое число злонамеренных людей, прибывших на кораблях из Европы и Вест-Индии, совершали акты пиратства под английским флагом», еще 2 марта 1696 г. направила петицию лордам Адмиралтейства с просьбой разрешить их кораблям захватывать пиратов и дать самой Компании право учредить адмиралтейский суд для их осуждения. Судья Адмиралтейства, которому лорды передали эту петицию, заявил, что нормальный путь состоит в том, чтобы лорды Адмиралтейства получили патент за Большой печатью, который уполномочивал бы их предоставить право кораблям Компании брать пиратов, но при условии посылки их домой для присуждения. В Лондоне не желали отказываться от права присуждения призов в пользу Компании. Там готовы были назначить вице-адмирала в Бомбей для борьбы с пиратством, но без передачи прибыльной прерогативы распоряжаться захваченным имуществом.

Имея в виду это соперничество за право распоряжаться богатствами пиратов, автор упоминавшегося памфлета в защиту губернатора Белламонта разоблачает тех, кто создал «шумное дело» вокруг «законных» действий синдиката, а сам повинен в незаконном обогащении под прикрытием мер «борьбы» с пиратством: «Есть люди, которые вкусили сладость от держания адмиралтейских судов в Индии и, прикрываясь этим, на протяжении ряда лет совершали самое настоящее пиратство на кораблях Англии и индийских правителей. За это они платили короне в виде десятой части так называемых призов и, как все говорят об этом, еще больше за дачу прощения пиратам. Они озлоблены, что не могут опять действовать как адмиралтейские суды и не могут присвоить все добро, взятое у пиратов в свое владение под предлогом обеспечения имущества, подлежащего возвращению их собственнику в Индии»⁹⁶.

Отсюда можно понять смысл той возни вокруг сокровищ Кидда, которая долгие годы не утихала в Англии и в Америке. Даже сведения о найденных властями сокровищах Кидда крайне запутаны, противоречивы. По данным «Британской энциклопедии» на о. Гардинер (восточнее Лонг-Айленда) была найдена только часть сокровищ Кидда стоимостью около 14 000 фунтов стерлингов, привезенная на шлюпе «Антоний», на котором он прибыл для переговоров с Белламонтом⁹⁷. Согласно данным английского биографического словаря большая часть богатства находилась на «Кедахском купце», который так и не был найден. Согласно этому источнику правительство не смогло найти и той части сокровищ, которая была зарыта на о. Гардинер⁹⁸. По данным же американского биографического словаря властями было обнаружено золота, драгоценностей и других богатств на сумму приблизительно 10 000 фунтов стерлингов, а «Кедахский купец» был захвачен Боултоном и его командой и оценивался в 40—50 тыс. фунтов⁹⁹. Достоверно известно лишь то, что в 1705 г. был принят парламентский акт, уполномочивавший корону «распорядиться имуществом отъявленного пирата Уильяма Кидда на нужды больницы в Гринвиче». На основании этого акта конфискованные 6 472 фунта были переданы королевой Анной указанной больнице.

Зато с самого начала поползли слухи о зарытых кладах—испанских золотых монетах, которые армянские купцы привозили из Манилы, различных драгоценностях. Имели ли слухи реальное основание или их распространяли власти, захватившие эти богатства? И сегодня считают, что вопрос о «сокровищах Кидда» еще не исчерпан.

⁹⁶ A full account..., p. 18—19.

⁹⁷ Kidd, William.—Encyclopaedia Britannica. Vol. 13, p. 370.

⁹⁸ The Dictionary of National Biography. Vol. XI, p. 93—95.

⁹⁹ Dictionary of American Biography. Vol. X, p. 367—369.

Сокровища, которые он якобы закопал перед тем как предаться в руки правосудия, ищут по сей день.

Еще в 1930 г. лондонский антиквар Хьюберт Палмер нашел две карты небольшого островка Оук-Айленд в Атлантическом океане у берегов Канады. На этих картах стояли инициалы «У. К.» и дата—1669 г.¹⁰⁰ Недавно с помощью старинного кода, созданного итальянцем Джованни Баттиста Портой, были расшифрованы таинственные знаки надписи на найденном в земле лоскутке ткани. Она гласит, что «сокровища Уильяма Кидда спрятаны на Оук-Айленде». Это послужило поводом для организации американским обществом «Тритон» специальной экспедиции, снабженной самой современной аппаратурой для поисков¹⁰¹.

Что же касается более важного вопроса о значении приговора суда по делу капитана Кидда для пресечения морского разбоя, то хотя его казнь и не означала отказа англичан от пиратства и его использования в качестве средства подавления морской торговли других народов (в том числе армян), описанный казус занял заметное место в истории борьбы с этим преступлением.

ԹԱԳԱՎՈՐԱԿԱՆ ԾՈՎԱԶՆԵ ՔԻՂԻ ԳՈՐԾԸ
(Մովանենության դեմ հայ վաճառականների մղած
պայքարի պատմությունից)

Իրավաբանական դիմ. դադար Յու. Գ. ԲԱՐՍԵԳՈՎ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ու մ

Մովանենության պատմության մեջ կապիտան Քիդը կենտրոնական դեմքերից մեկն է։ Նրա կողմից հայկական առևտրական նավի զավթումը ցայտունորեն ցույց էր տալիս, թե ինչպես էր ծովահենության կազմակերպված ձեռք կապերությունը, վերաճում սովորական ծովահենության և թե ինչպես էր այն օգտագործվում Անգլիայի կողմից՝ հայ վաճառականների առևտրական ծովագնացությունը ճնշելու նպատակով։ Մովանենային այդ գործողության կազմակերպմանը մասնակցել էին թագավորը և նրա կառավարության անդամները՝ կանցլերը, պետական քարտուղարը, ծովակալության առաջին լորդը, Դերադույն դատարանի մի անդամ, ինչպես նաև Նյու Յորքի, Մասաչուսեթսի և Նյու Հեմպշիրի նահանգապետը։

Հայկական նավի զավթման պատմությունը ցույց է տալիս, թե եվրոպական գաղութարարների դեմ մղված անհավասար պայքարում իրենց շահերը պաշտպանելու համար հայերը ինչ միջոցներ էին կիրառում։ Նրանք կարողացան նախապես ապահովել իրենց համար Մեծ մոռու Աուրանգզեբի պաշտպանությունը, իսկ Անգլիայի քաղաքական շրջաններում մեծ աղմուկ բարձրացավ։ Քիդի բացահայտ ծովահենական գործողությունները, որոնք նա իրականացնում էր արքունիքի տված լիազորությունների հիման վրա և բարձրաստիճան պետական պաշտոնյաների սինդիկատի՝ վիզերի կուսակցության ղեկավարների մասնակցությամբ, օգտագործվեցին պառլամենտի օպոզիցիայի կողմից, որը պահանջում էր պատասխանատվության ենթարկել կանցլերին և գործին առնչվող մյուս անձանց։ Ժամանակակիցների վկայությամբ Քիդի գործը «երկար ժամանակ վիճարանության գլխավոր առարկան էր թագավորությունում» և «ամբողջ աշխարհում»։

Այն փաստը, որ անգլիական թագավորն ու նրա կառավարությունը չկարողացան իրենց կոմպանիոնին՝ կապիտան Քիդին փրկել մահապատժից, ինքնին պերճախոս է։ Եվ թեպետ նրա մահապատժի շինքը նշանակում, թե անգլիացիները հրաժարվելու են ծովահենությունից՝ որպես հարստացման և մյուս ժողովուրդների (նաև հայերի) ծովային առևտուրը ճնշելու միջոցից, սակայն այդ կազուսը ակնառու տեղ զբաղեցնում էր ծովահենության դեմ մղվող պայքարի պատմության մեջ։

¹⁰⁰ Карты опубликованы в книге «Капитан Кидд и его Тайный остров».

¹⁰¹ Знание—сила (Москва), 1980, № 9, с. 49.